

## Литература

1. Васильева А.А. К вопросу об ассоциативном развертывании текста и выявлении текстовых ассоциатов // *Художественный текст и языковая личность: Мат-лы III Всерос. науч. конф., посвященной 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики Томского гос. пед. ун-та (29–30 октяб. 2003 г.)* / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2003.
2. Васильева А.А. Проблема интерпретации текста: имплицитные текстовые ассоциаты в лирике О. Мандельштама // *Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века: Мат-лы VII Всерос. науч.-практ. сем. (27 апр. 2004 г.)* / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2004б.
3. Васильева А.А. О способах формирования направлений ассоциирования в лирике О. Мандельштама // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Вып. 1 (38) (серия: Гуманитарные науки (Филология))*. Томск, 2004а.
4. Васильева А.А. О двух подходах к изучению ассоциативной структуры текста // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Вып. 3 (47) (серия: Гуманитарные науки (Филология))*. Томск, 2005.
5. Васильева А.А. О некоторых особенностях идиостиля О.Э. Мандельштама (ассоциативный аспект) // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Вып. 5 (56) (серия: Гуманитарные науки (Филология))*. Томск, 2006.
6. Болотнова Н.С. Ассоциативное поле слова и текста // *Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте*. Томск, 2000а.
7. Болотнова Н.С. Лексическая структура поэтического текста и его ассоциативное поле // *Русский язык в современном культурном пространстве: Мат-лы юбил. конф., посвященных 100-летию Томского гос. пед. ун-та и 70-летию филол. фак-та Томского гос. пед. ун-та (2–3 нояб. 2000 г.)*. Томск, 2000б.
8. Болотнова Н.С. Структура и информативные возможности ассоциативного поля художественного текста // *Актуальные проблемы рустистики: Сб. статей / Под ред. Т.А. Демешкиной*. Томск, 2000в.
9. Болотнова Н.С., Водяха А.А., Волкова П.С. и др. Эмотивный код языка и его реализация: Кол. монография / Под ред. В.И. Шаховского. Волгоград, 2003.
10. Болотнова Н.С. Проблема изучения идиостиля в современной коммуникативной стилистике художественного текста // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А., Карпенко С.М., Орлова О.В., Сыпченко С.В., Тюрина Р.Я. *Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль*. Томск, 2001.
11. Выготский Л.С. *Психология искусства*. М., 1968.

УДК 801.6

*А.В. Болотнов*

## О НЕКОТОРЫХ ТЕКСТОВЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ АССОЦИИРОВАНИЯ, ОТРАЖАЮЩИХ КОНЦЕПТ ХАОС В ЛИРИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Томский государственный педагогический университет

В последние годы в связи с разработкой когнитивного направления современной лингвистики усилилось внимание исследователей к поэтической картине мира. И.А. Тарасова [1] трактует ее как «художественную модель мира». Л.О. Бутакова определяет как «эстетически и коммуникативно-значимое субъективно-объективное отображение динамической системы представлений, знаний и мнений об окружающей действительности в специфической форме художественного текста» [2, с. 116]. В коммуникативной стилистике текста поэтическую картину мира трактуют как «эстетическое отражение в текстовой деятельности концептосферы автора, как систему художественных концептов, вербализованных в тексте и творчестве писателя в целом» [3, с. 205].

Как определяется художественный концепт как единица поэтической картины мира автора? Л.В. Мил-

лер под художественным концептом понимает «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [4, с. 41–42]. Для нас важно, что художественные концепты «являются единицами поэтической картины мира автора, получающими образное воплощение в его текстовой деятельности» [5, с. 34].

Ученые (З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.А. Пищальникова, Н.Ф. Алефиренко и др.) выделяют разные слои концепта: понятийный, предметный (предметно-чувственное представление), образно-

ассоциативный, эмоциональный и оценочный (интерпретационное поле концепта) (см. обзор разных точек зрения в работах: [6, 7] и др.).

Объектом данного исследования служит словесная организация поэтических текстов М.И. Цветаевой, репрезентирующих концепт *хаос*. В задачи статьи входит освещение некоторых особенностей поэтического мира М.И. Цветаевой, связанных с анализом различных направлений ассоциирования, отражающих разные грани концепта *хаос*. Наряду с рассмотрением эксплицитной репрезентации концепта, интересен анализ имплицитных средств и способов его репрезентации на уровне ассоциативных связей слов. Это обусловлено тем, что концепт могут эксплицитировать не только слова, прямо его называющие, но и различные *текстовые ассоциаты* – элементы лексической структуры текста, выражающие или актуализирующие данный концепт. Под *направлениями ассоциирования* понимается «совокупность текстовых ассоциатов, отражающих какую-либо одну сторону (грань) концепта, образующих ассоциативный ряд» (Болотнова, 2006).

Концептуальный анализ предполагает выявление лексических репрезентантов концепта и слов, связанных с ним ассоциативно. В работе использовалась методика анализа ассоциативных полей концепта, принятая в коммуникативной стилистике текста [9, 10].

Эксплицитная репрезентация концепта *хаос* в лирике М. Цветаевой на основе ключевой леммы уже рассматривалась нами [11, 12]. Наблюдения над отражением ключевого слова в различных словарях и осмысление связанной с ним реалии по результатам экспериментов [13] позволяют установить связь этого концепта с другими концептами: **время** (на уровне ассоциативного ряда *смерть – вечность*), **пространство** (ассоциативный ряд *космос – вселенная*), **человек** (ассоциативный ряд *темная сторона души – любовь – страсть; творчество – гармония*), **общество** (ассоциации *смута – беспорядок*).

С концептом *время* на уровне ассоциативного ряда *смерть – вечность* концепт *хаос* связывают признаки, характерные и для данных реалий сознания: «конец» (свойственный смерти), «неотвратимость» (характерная для смерти и вечности), «вневременной характер» (свойственный вечности), «таинственность и загадочность», «непознанность», «страх», «ужас» (характерные для смерти, вечности).

С концептом *пространство* на уровне ассоциативного ряда *космос – вселенная* концепт *хаос* связывают общие признаки: «безграничность», «бездонность», «вечность», «первооснова всего», «таинственность», «загадочность». С концептом *человек* на уровне ассоциативного ряда *душа – дисгармония – безумство* концепт *хаос* связан признаками: «бессистемность», «беспорядочность», «стихийность», «свобода», «сила, энергия». На уровне ас-

социативного ряда *творчество – гармония* связь с *хаосом* проявляется на основе общих признаков «первооснова всего», «стихийность», «сила» [12]. С концептом *общество* на уровне ассоциативного ряда *смута – беспорядок* концепт *хаос* сближает «бессистемность», «беспорядочность», «стихийность», «свобода», «сила», «энергия». Таким образом, можно сделать вывод о наличии связи между концептом *хаос* и другими концептами в рамках общей концептосферы.

Концепт *хаос* получил эксплицитное словесное выражение в нескольких стихотворениях М.И. Цветаевой, хотя состояние хаоса как душевного неблагополучия является сквозным в ее творчестве. Показательно, что данное слово-номинал концепта используется автором в 20-е – 30-е годы, в зрелый период творчества, по типологии О.Г. Ревзиной, выделившей 5 этапов в поэтической деятельности автора [14, с. 15].

Как показал анализ [11–12], в лирике М. Цветаевой *хаос* интерпретируется не только в узком смысле как отражение беспорядка. Данная реалья поэтической картины мира автора представлена в художественной системе поэта, во-первых, как философская категория, которая связана с первоосновой мира, началом и концом; во-вторых, как эстетическая категория, противопоставленная гармонии; в-третьих, как психологическая категория, отражающая душевное неблагополучие личности. В отличие от узуальных представлений (см. о них подробнее [13]), *хаос* рассматривается автором не только как грозное могущественное начало, но и как проясняющее сущность явлений, а потому несущее потенциальный заряд для развития и совершенствования мира.

В данной статье рассмотрим репрезентацию концепта *хаос* на основе текстовых ассоциатов, отражающих некоторые стороны концепта, актуализированные такими направлениями ассоциирования, как *хаос – смерть – вечность; хаос – темная сторона души – страсть; хаос – дисгармония – смута*.

1. *Хаос – смерть – вечность*. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [15, с. 735] слово «смерть» имеет следующие значения: 1. Прекращение жизнедеятельности организма. *Клиническая смерть (короткий период после прекращения дыхания и сердечной деятельности, в который еще сохраняется жизнеспособность тканей). Биологическая смерть (необратимое прекращение биологических процессов в клетках и тканях организма)*. 2. Перен. Конец, полное прекращение какой-либо деятельности.

Феномен смерти всегда интересовал ученых и философов всего мира (ср. работы К. Ламота, Р. Модуи и др.). С одной стороны, смерть проста и естественна, а с другой – непостижима. Человек не может описать ее как нечто пережитое и прочувствованное до конца, ибо из истинной смерти нет возврата.

По данным Русского ассоциативного словаря [16, с. 152], концепт *смерть* вызывает следующие ассоциации: *жизнь 50, поэта 20, страх 16; горе 15; ужас 12* и т.д. Интересная закономерность: в русском сознании и русской картине мира смерть ассоциируется чаще всего именно с жизнью. Можно вполне осознанно утверждать, что взгляды на смерть или небытие как противопоставление жизни у каждого человека сугубо индивидуальны.

М.И. Цветаева обратилась к теме смерти очень рано. Когда ей было двадцать лет, она написала глубокое и серьезное стихотворение «*Уж сколько их упало в эту бездну...*», являющееся взволнованным монологом-исповедью. Речь в нем идет о *смерти как падении в бездну*. Романтический склад личности Цветаевой дает знать о себе особым отношением к смерти как части жизненного цикла.

*Уж сколько их упало в эту бездну,  
Разверстую вдали!  
Настанет день, когда и я исчезну  
С поверхности земли.*

Суровая, жестокая констатация факта, того, что все смертно, образ разверзнувшейся бездны, которая ассоциативно может связываться с хаосом, – вот взгляд автора на смерть.

*Застынет все, что пело и боролось,  
Сияло и рвалось:  
И зелень глаз моих, и нежный голос,  
И золото волос.*

Смерть в сознании автора связывается с неподвижностью, статикой (ср. глагол *застынет*). Предположение о том, что будет после, есть основная черта смирения и беспомощности перед неодолимой смертью. Борьба не имеет смысла?

*И будет жизнь с ее насущным хлебом,  
С забывчивостью дня.  
И будет все – как будто бы под небом не было меня!*

С концептом *хаос* в этом стихотворении *смерть* связывает образ огромной, страшной, неотвратимой *бездны*, которая поглощает все. Лирическая героиня Цветаевой не может смириться с этим, она бунтует, возмущается.

Иначе осмысливается феномен смерти или забвения в стихотворении «Эпилог»:

*Очарованье своих же обетов,  
Жажда любви и незнанье о ней...  
Что же осталось от блещущих дней?  
Новый портрет в галерее портретов,  
Новая тень меж теней.*

Новое – это отстраненно – философский подход к уходу, исчезновению из «блещущих дней», недосказанное понимание любви как жажды, но чего? Возможно, жизни и счастья. Портрет как отображение памяти о лирической героине, а вероятный загробный мир – это галерея портретов – теней.

*Несколько строк из любимых поэтов,  
Прелесть опасных, иных ступней...  
Вот и разгадка таинственных дней!  
Лишний портрет в галерее портретов,  
Лишняя тень меж теней.*

«Разгадка таинственных дней» – это разгадка тех предположений, которые состоят в том, существует ли жизнь после жизни? Но, даже погрузившись в нее, героиня этого стихотворения обнаруживает, что она «Лишняя тень меж теней». И после смерти нет покоя тому, кто не знал покоя в жизни, – это основной лейтмотив и суть идеи стихотворения «Эпилог».

Таким образом, концепт *хаос* в некоторых стихах Цветаевой связан с образом смерти, воспринимаемой как приобщение к холодной вечности, к «бездне, разверзнутой вдали», и лирическая героиня Цветаевой отвергает ее.

2. *Хаос – темная сторона души – любовь – страсть*. Анализируя проявление стихии хаоса в человеке, можно говорить о темной стороне его души, которая стихийна в своих возможных проявлениях и которую З. Фрейд назвал «бессознательное».

Марина Цветаева – поэт трагической, страдающей и одновременно восхищенной любви. Можно сказать, что она – это проявление стихийной безмерности чувств во всем. Это началось с ранних стихов и увлечения выдающимися поэтами, такими как А. Блок, и продолжалось во время и после эмиграции. Можно говорить о двух тенденциях в ее поэтическом творчестве: первая – это романтический, стихийный максимализм, вторая – это трагическое мироощущение после эмиграции, когда светлое и страстное чувство любви уступает место трагедии личных неурядиц и любви-разлуки, когда торжествует хаос как разрушение души, отражение «шумного и яростного» мира и разрозненного сознания.

Для примера рассмотрим цикл «Стихи к Блоку». Отношение восхищения и признания – вот что связывает Блока и Цветаеву, причем Цветаева восхищается скорее не личностью Блока, а его творчеством. Можно ли говорить о любви? Можно, как о любви одного творца к творениям другого.

*Имя твое – птица в руке,  
Имя твое – льдинка на языке,  
Одно – единственное движенье губ.  
Имя твое – пять букв.  
Мячик, пойманный на лету,  
Серебряный бубенец во рту.*

*Камень, кинутый в тихий пруд,  
Всхлипнет так, как тебя зовут.  
В легком щелканье ночных копыт  
Громкое имя твое гремит.  
И назовет его нам в висок  
Звонко щелкающий курок.*

*Имя твое, – ах нельзя! –  
Имя твое – поцелуй в глаза,  
В нежную стужу недвижных век.  
Имя твое – поцелуй в снег.  
Ключевой, ледяной, голубой глоток.  
С именем твоим – сон глубок.*

15 апреля 1916

Это страстный монолог, выражение пылких чувств без фактического признания в любви. Чувства, а точнее их чрезмерность, подчеркивают все: и ритмика, в которой чувствуется слово «Блок», и анафора, метафоры (*поцелуй в снег, имя твое гремит* и др.). Слово *имя* употреблено восемь раз и ни разу не назван человек, которому оно принадлежит. Одна из очень характерных черт М. Цветаевой – это особый вид словесной игры, игры сильной личности в слабость проявления чувств. Доказательство этому другие строки-признания:

*Зверю – берлога,  
Страннику – дорога,  
Мертвому – дроги.  
Каждому – свое.*

*Женщине – лукавить,  
Царю – править,  
Мне – славить  
Имя твое.*

2 мая 1916

Почему «женщине – лукавить», а «мне – славить»? Здесь любовь творческая (через творения), главная мысль этого произведения – в приятии Цветаевой этики и эстетики Блока, отсюда и слово «славить» – славить то, что создано Блоком. Это сильное чувство страсти как высшая мера признания родственной поэту души Блока.

Любовь у Цветаевой, как и у Маяковского, чувство масштабное, сильное, космическое и дерзкое, ему мало кто мог соответствовать в ее жизни. А от-

сюда и трагедия разочарованной романтической личности Цветаевой.

«Безумье и благоразумье» – стихотворение уже в первой своей строке содержит контраст:

*Безумье и благоразумье,  
Позор и честь,  
Все, что наводит на раздумье,  
Все слишком есть –*

*Во мне. – Все каторжные страсти  
Слились в одну! –  
Так в волосах моих – все масти  
Ведут войну!*

*Я знаю весь любовный шепот,  
– Ах, наизусть! –  
– Мой двадцатидвухлетний опыт –  
Сплошная грусть!*

Это пример максимализма в порыве страсти, и он уже принимает черты темные, не спасительные, а губительно-печальные, и любовь предстает неразделенным безумием, которое может привести к хаосу как отрешению от себя и растворению в страстях. Любовь становится неразделенной, когда лирическая героиня говорит: «Я виртуоз из виртуозов в искусстве лжи».

Тема любви-страсти, одержимости сильна в позднем творчестве поэта. Гармония любви нарушается разгулом стихии, где правит хаос – буря (вихрь):

*Как правая и левая рука –  
Твоя душа моей душе близка.*

*Мы смежены, блаженно и тепло,  
Как правое и левое крыло.*

*Но вихрь встает – и бездна пролегла  
От правого – до левого крыла!*

10 июля 1918

Революция, как бездна, поглотила любовь, разделив близких людей – это символ эпохи. М.И. Цветаева была личностью сильной и страстной в своих чувствах, ее творчество позволяет нам судить об эволюции ее души от мечтательности к скепсису и иронии, от надежд – к разочарованию.

Концепт *любовь*, имеющий светлую эмоциональную окраску в раннем творчестве, в позднем предстает иным. Любовь становится лейтмотивом одержимости темной и разрушительной стихией хаоса. Причиной этого является личное неблагополучие поэта и общественные потрясения (революция, гражданская война и эмиграция).

О доминировании темных страстей и порывов, о максимализме чувств в душе лирической героини Цветаевой можно судить по следующим примерам: «Слово темное любви» («Москве», 1917); «Роскошная нелепость – страсть!» («Мое последнее величье», 1917); «Схватить его! Крепче! / Любить и любить его лишь» («Без зова, без слова», 1921); «Не любовь, а лихорадка!..» («Комедьянт», 1918); «... Так влюбляются в любовь: / Впадываются в пропасть./...Так вбаливаются в любовь: / Впадываются в: падать» («Так вслушиваются...», 1923) и др.

3. Хаос – дисгармония – смута. Такое понятие, как смута, знакомо российскому обществу. Дисгармония – это скорее понятие, свойственное индивидуальной картине мира. Смута – понятие общественное потому, что это кризис, суровое испытание для стабильно развивающейся страны. Можно говорить, что смута или так называемое смутное время – и это явление циклическое, как и феномен хаоса. Смена исторических эпох рождает смуту в обществе. В России начала века начался цикл смутного времени, который завершается только в наше время. Тем интереснее исследовать восприятие и отражение в поэтической картине мира смуты как одного из проявлений категории хаоса у такого поэта, как М.И. Цветаева.

Общество, бурлящее от революции и социальных потрясений, находит больший отклик в душе поэта. К тому же импульсивный, свободолюбивый, бунтарский характер Цветаевой с ее экспрессией, «чрезмерностью в мире мер» не мог не проявиться в творчестве.

Мотив дисгармонии у Цветаевой проявляется особенно ярко в 1917 году, это связано с тем, что ее муж, Сергей Эфрон, принял сторону белого движения.

*Молодую рощу шумную –  
Дровосек перерубил.  
То, что Господом задумано –  
Человек перерешил.*

*И уж роща не колышется –  
Только пни, покрыты ржой.  
В голосах родных мне слышится  
Темный голос твой чужой.*

*Все мерещатся мне дивные  
Темных глаз твоих круги.  
– Мы с тобою – неразрывные,  
Неразрывные враги.*

20 августа 1917

Произведение насыщено образами-символами. Образ рощи может быть соотнесен с Россией, той,

что была до революции, и той, которой больше нет. Дровосек олицетворяет народ, который покончил с государственным строем, старыми порядками. Но, разрушив старое, новое еще не создал, поэтому в итоге «Только пни, покрыты ржой». Лирическая героиня разлучена волей судьбы с любимым, который стал «чужим», отсюда строки: «Темный голос твой чужой...»; «Мы с тобою – неразрывные, / Неразрывные враги». Разрушение личного счастья – вот проявление хаоса общественного, который привел к личной драме.

Разгул стихии как отражение социального хаоса в обществе нашел отражение в ряде стихотворений М. Цветаевой:

*Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн.  
Разгромила винный склад. – Вдоль стен  
По канавам – драгоценный поток,  
И кровавая в нем пляшет луна.  
Ошалелые столбы тополей.  
Ошалелое – в ночи – пенье птиц.  
Царский памятник вчерашний – пуст.  
И над памятником царским – ночь. <...>*

Ночь, кровавая луна, ошалелые тополя, разгулявшая стихия в обществе и природе (Рев солдат. – Рев волн) – все это в яркой образной форме передает состояние хаоса, охватившего страну. Лексическими репрезентантами социальной сущности концепта хаос являются в стихах Цветаевой слова: *ночь* (тьма), *рев* (оглушительные звуки), *ошалелые* (подавленные стихии), *кровь*, *буйствуют*, *стонет* и др. Все они создают многоплановый образ хаоса, конкретизируя его с точки зрения эмоций, оценок, в звуках, цвете, запахах. Сравним:

*Город буйствует и стонет,  
В винном облаке – луна...  
(«Плохо сильным и богатым...»)*

Социальному хаосу в обществе поэт противопоставляет духовное начало, «Триединство своей души»:

*Над кабаком, где грехи, гроши,  
Кровь, вероломство, дыры –  
Встань, Триединство моей души:  
Лилия – лебедь – Лира!  
(«Так высоко закинув лоб...»)*

Ассоциативно связанный с концептом хаос образ гражданской братоубийственной и жестокой войны нашел свое воплощение не только в «Белой стае», но и в циклах стихотворений «Дон», «Комедьянт». Сравним строки из «Комедьянта»:

25

*Сам Черт изъявил мне милость!*

*Пока я в полночный час*

*На красные губы льстилась –*

*Там красная кровь лилась.*

*Пока легион гигантов*

*Редел на донском песке,*

*Я с бандой комедиантов*

*Браталась в чумной Москве.*

*Хребет вероломства – гибок.*

*О, сколько их шло на зов*

*.....моих улыбок*

*.....моих стихов.*

*Чтоб совесть не жгла под шалью –*

*Сам Черт мне вставал помочь.*

*Ни утра, ни дня – сплошная*

*Шальная, чумная ночь.*

*И только порой, в тумане,*

*Клонясь, как речной тростник,*

*Над женщиной плакал – Ангел*

*О том, что забыла Лик.*

Март 1919

В образе лирической героини нет следа от прежней молодой беспечности, ее поглотило страшное время и личное несчастье.

«Чумная Москва» – это образ апокалиптический, олицетворение хаоса. Хаос – это смена эпох, связанная с гибелью одной и возникновением другой. Цветаева жила в это время и не могла не отразить его в творчестве. В рассматриваемом произведении примечателен образ Черта как помощника лирической героини, помогающего забыть ужас настоящего. Хаос происходящего, когда «красная кровь лилась», ассоциируется с образом ночи:

*Ни утра, ни дня – сплошная*

*Шальная, чумная ночь.*

Образ Ангела (хранителя) в произведении можно соотнести с утраченной верой в идеалы религии (ср. заповедь *не убий*), с тем, что в новое время религия перестала быть спасением:

*Над женщиной плакал – Ангел*

*О том, что забыла Лик.*

О чем свидетельствует стихотворение? Об утраченности веры, о кризисе в душе героини.

Многие стихи этого периода, отражающие социальный хаос в обществе, строятся на актуализации символики красного и белого, на обыгрывании

многозначности слов (см., например: «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь»:

*Белый был – красным стал:*

*Кровь обагрила.*

*Красным был – белый стал:*

*Смерть победила. (1920)*

Цветаева не могла принять революцию и понять смысл гражданской войны. Живя в это смутное для России время, она прошла через многие испытания, включая эмиграцию, многое пережила и почувствовала. Это нашло отражение в ее творчестве. Каким бы сильным ни был поэт, он заложник и сын своего времени, он может сопротивляться, протестовать, но он повторяет судьбу своего государства, Цветаева повторила судьбу имперской России, в которой была рождена и в которой была по-настоящему счастлива. Одно из ее стихотворений звучит как завещание или наставление:

*Нас родина не позовет!*

*Езжай, мой сын, домой – вперед –*

*В свой край, в свой век, свой час, - от нас –*

*В Россию – вас, В Россию – масс,*

*В наши – час – страну! В сей – час – страну!*

*В на – Марс – страну! В без – нас – страну!*

Январь 1932 (из цикла «Стихи к сыну»)

Таким образом, хаос как отражение социальных потрясений в обществе нашел свое художественное воплощение в произведениях М.И. Цветаевой. Часто образ хаоса соотносится в стихах поэта с образами ночи, крови, вероломства, греха, смерти, чумы. Эпитеты *шальной, ошалелый, темный, кровавый, чумной* становятся маркерами хаоса как проявления стихии в обществе в период кризиса.

Подводя итоги, отметим многообразие лексической репрезентации концепта *хаос* в лирике поэта. Хотя явно концепт назван лишь в некоторых произведениях автора, есть все основания утверждать, что данный концепт достаточно часто актуализируется в лирике поэта на ассоциативно-смысловом уровне, с помощью разнообразных текстовых ассоциатов-элементов лексической структуры текста. В лирике поэта репрезентируются разные стороны концепта, о которых можно судить на основе разных направлений ассоциирования, включая рассмотренные в данной статье: *хаос – смерть – вечность; хаос – темная сторона души – страсть; хаос – дисгармония – смута.*

Так, концепт *хаос* в некоторых стихах Цветаевой связан с образом смерти, воспринимаемой как приобщение к холодной вечности, к «бездне, разверзнутой вдаль». С концептом *хаос* соотносится и страсть как проявление стихийного чувства, и сму-

та как отражение социального хаоса в обществе и т.д. Каждое из отмеченных направлений ассоциирования получает в лирике автора особое образное выражение на основе тропов, фигур, различных

стилистических приемов. В репрезентации концепта хаос отразился максимализм поэта, характерная для М.И. Цветаевой «чрезмерность в мире мер».

Поступила в редакцию 29.12.2006

## Литература

1. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003.
2. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул, 2001.
3. Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4.
4. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4.
5. Болотнова Н.С. Типы концептуальных структур поэтических текстов // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл: Мат-лы VIII Всерос. науч. семинара (21 апр. 2006 г.). Томск, 2006.
6. Орлова О.В. К вопросу об интерпретации понятия «концепт» в современных лингвистических исследованиях // Художественный текст и языковая личность: Мат-лы III Всерос. науч. конф. (29–30 октяб. 2003 г.). Томск, 2003.
7. Болотнова Н.С. Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века: Мат-лы VII Всерос. научн.-практ. семинара (27 апр. 2004 г.). Томск, 2004.
8. Болотнова Н.С. К вопросу о понятийно-терминологическом аппарате концептуального анализа художественного текста // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А.Х. Востокова): Мат-лы Всерос. науч. конф. (15–17 нояб. 2006 г.). СПб., 2006.
9. Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001.
10. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. Ч. 4.: Методы исследования. Томск, 2003.
11. Болотнов А.В. Категория хаоса и ее отражение в лирике М. Цветаевой // IX Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (25–29 апр. 2005 г.): Мат-лы конф.: в 6 т. Т. 2: Филология. Актуальные проблемы современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Томск, 2005.
12. Болотнов А.В. Хаос как первооснова «поэтического космоса» М.И. Цветаевой // X Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (15–19 мая 2006 г.): Мат-лы конф.: в 6 т. Т. 2. Ч. 1: Филология. Томск, 2006.
13. Болотнов А.В. К вопросу о концепте хаос в русской картине мира // Культурные концепты в языке и тексте. Белгород, 2006.
14. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. В 4 т. Т. 1. А–Г. / Сост. Белякова И.Ю., Оловяникова И.П., Ревзина О.Г. М., 1996.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
16. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов В.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Р.А. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. М., 1994.

УДК 801.6

Ю.Е. Бочкарёва

## К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВАРИАТИВНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОВТОРОВ В АСПЕКТЕ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ)

Томский государственный педагогический университет

С точки зрения коммуникативной стилистики текстообразование трактуется «как первичная текстовая деятельность, направленная на порождение текста как целого речевого сообщения» [1, с. 73].

Анализ лирики показал, что одной из особенностей текстообразования художественных произведений М.И. Цветаевой является использование вариативных лексических повторов (далее – ВЛП), которые представляют собой словные и сверхсловные объединения слов, повторяющиеся

в тексте не обязательно дословно, но с перифразировкой, и развивающие основную тему, идею автора. Учитывая, что ВЛП могут быть выражены различными единицами текста (от слова до сверхсловных образований), текстообразующие возможности ВЛП определяются либо их ассоциативными связями, либо способностью актуализировать определенную ситуацию, связанную с последующим или предыдущим развертыванием текста [1, с. 86–120].